

МРНТИ 17.71.07

DOI <https://doi.org/10.52081/PhSJ.2025.v09.i1.049>

Т.В. Сенькевич

E-mail: literas2006@mail.ru

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Брест, Республика Беларусь*

ЭКСПЛИКАЦИЯ ВЕСЕННИХ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ В ЖЕНСКОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ БРЕСТЧИНЫ

Аннотация

В статье рассматриваются весенние обряды в контексте календарных циклов и подциклов. Эмпирическую базу исследования составили устные женские рассказы, собранные во время летних фольклорной и диалектологической практик в 2023, 2024 годах студентами филологического факультета, а также архивные материалы студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклористика и краеведение» Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина. Данная научно-исследовательская работа проводится временным научным коллективом в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» (№ госрегистрации 20211451) в рамках ГПНИ (2021–2025).

Экспликация Масленицы, которая несет в себе приметы зимы и весны, реализуется через дни Масленичной недели, в каждый из которых совершается определенный обряд. Особое внимание уделено Пасхе Христовой, приготовлением к этому важному для всех христиан празднику. Интерпретация женщинами-информантами весенних обрядов позволяет показать блюда национальной кухни, игры, приметы, актуализирующие прежде всего семейный, межпоколенческий дискурсы. Устные женские нарративы помогают постичь быт, сельский уклад жизни в довоенный и послевоенный периоды XX столетия, традиционные и обновленные современными реалиями церковные ритуалы. Мемораты и фабулаты, представленные в статье, через призму гендерного аспекта значительно обогащают региональное культурно-историческое наследие Брестчины.

Ключевые слова

Экспликация, меморат, фабулат, интерпретация, устный женский нарратив, обряд, календарный цикл, подцикл, гендерный аспект, дискурс.

Для цитирования:

Сенькевич Т.В. Экспликация весенних календарных обрядов в женском повествовательном дискурсе брестчины // Philological Sciences Journal. – 2025. – Vol.9. – №1. – С. 25-33. DOI <https://doi.org/10.52081/PhSJ.2025.v09.i1.049>

Введение

Несомненно, важным является исследование зафиксированных и отраженных в устных женских рассказах Брестчины календарных циклов и подциклов, в частности весенние обряды. Подготовка к проведению весенних полевых работ, забота о будущем урожае являлись важными составляющими сельской жизни, потому что в различных жанрах фольклора это находит ярко выраженное отражение: «Весенний день год кормит», «Весна – наши отец и мать, кто не посеет, не будет и собирать», «Весной день упустишь, годом не

вернешь», «Потрудись весной – сытым будешь зимой». Одним из известных весенних обрядов является Масленица, обряды которой традиционно рассматривают на стыке двух календарных подциклов: зимнего и весенне-летнего.

Экспликация Масленицы, которая несет в себе приметы зимы и весны, реализуется через дни Масленичной недели, в каждый из которых совершается определенный обряд. Особое внимание уделено Пасхе Христовой, приготовлением к этому важному для всех христиан празднику. Интерпретация женщинами-информантами весенних обрядов позволяет показать блюда национальной кухни, игры, приметы, актуализирующие прежде всего семейный, межпоколенческий дискурсы. Устные женские нарративы помогают постичь быт, сельский уклад жизни в довоенный и послевоенный периоды XX столетия, традиционные и обновленные современными реалиями церковные ритуалы. Мемораты и фабулаты, представленные в статье, через призму гендерного аспекта значительно обогащают региональное культурно-историческое наследие Брестчины

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили устные женские рассказы, собранные во время летних фольклорной и диалектологической практик в 2023, 2024 годах студентами филологического факультета, а также архивные материалы студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклористика и краеведение» Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина. Данная научно-исследовательская работа проводится временным научным коллективом в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» (№ госрегистрации 20211451) в рамках ГПНИ (2021–2025).

В исследовании использован описательный метод, а также прием сплошной выборки.

Обсуждение

Как показал опрос, информанты, перешагнувшие даже семидесятилетний рубеж, не знают (или не помнят), как назывался каждый день в Масленичную неделю. Некоторые жители г. Бреста говорят о традициях Масленицы, которые прижились в последние десятилетия, когда проводы зимы празднуют в Парке культуры и отдыха города Бреста: «Лазят на столб. Лазят, раздеваются до пояса. Висел сапог, надо было сбросить и главный приз заполучить» (Е.В. Муравейко, 1948 г.р., россиянка, православная, приехала из Красноярска в Брест в 1969 г.).

Хронотоп Масленицы, как правило, информанты знают точно, связывая данный обряд с Прощеным воскресеньем и великим постом перед Пасхой Христовой. Однако немногие могут объяснить содержание каждого дня Масленичной недели: «Масленица до прощеного воскресенья неделя, вся неделя до прощеного воскресенья перед строгим великим постом. ...Да, все эти дни, каждый день чему-то кому-то ...надо идти там до тещи до свекрухи..., ну в общем, такие дни. ...эта неделя длинная, блины каждый день. Разные, ну, разные» (Е.В. Муравейко). По словам информанта, чучело из соломы сжигали после большого хоровода вокруг него.

Устный рассказ Н.М. Бекач (1973 г.р., г. Брест, белоруска, православная) содержит достаточно подробное описание всех дней Масленичной недели, каждый из которых имел свои символы, обряды; им непременно нужно было следовать, в противном случае это могло привести к негативным последствиям, прежде всего к семейному разладу (между супругами, между тещей и зятем): «...каждый день праздничной недели был особенный, понедельник называли “встреча”, считался символическим началом Масленицы. Тогда делали чучело, которое олицетворяло морозную зиму; вторник – это был заигрыш, с этого дня можно начинать ходить в гости, среда – лакамка, призывала печь ещё больше блинов и приглашать больше гостей. И в среду надо было посетить тещу, и отсюда пошло название “к теще на

блины”, четверг называли широким или толстым, угождали своим домашним животным, для них даже пекли блины, кроме этого, обьезжали молодых жеребцов. Этот день считался наиболее благоприятным для такого занятия, пятница или “тёщины вечера”, это когда молодая семья посещала родных невесты, если зять не приезжал к теще – это была большая обида, которая могла стать причиной раздора двух семей. В субботу это были “заловкины вячорки”, все ходили к друг другу в гости, катались на лошадях и на санках, а воскресенье – последний день масленочной недели, в этот день провожали зиму и встречали весну, ну, и вот кульминация праздника Масленица была сожжения чучела». Важно, что в праздничную неделю не забывали и о домашних животных, кормильцах семьи (лошадь, корова), которым тоже готовили вкусные угощения.

Экспликация такого яркого весеннего обряда, как Масленица, интересна с позиции информанта, который был не просто свидетелем, участником данного действия, но и непосредственным его организатором. В каждом из устных рассказов можно определить наиболее яркие, запоминающиеся образы, символы, атрибуты и предметы этого обряда. И безусловным «лидером» в Масленице являются блины: «разные были представления, вот и самое главное это была традиция – выпекание блинов на Масленицу, каждый присутствующий на этом празднике должен был отведать блины масленные, которые были приготовлены на огне, на жару, с таким запахом, с таким вкусом, что, казалось, таких вкусных блинов нигде не было, как на Масленицу»; «делали большие-большие блины, драники тут же с мясом, вот, а такие были драники большие на всю сковороду, блины это было очень интересно попробовать, какой вкус какого блинчика, вот это было интересно, такая гулянка» (Р.В. Коленчук, 1955 г.р., г. Брест, белоруска, родилась в г.Высокое Каменецкого р-на; православная).

Эта же информант вспоминает и другие блюда, которые готовили на Масленицу: «Ну блюд было много, ...было и готовили гречневую кашу, вот, кашу, вернее, ее еще называют солдатской кашой, была каша на тушонке, и вот тоже люди пробовали эти блюда, были блюда ...тоже мясные, потому что это ж все-таки Масленица»; «приготовление пирогов, приготовление картофельных тоже пирогов, каждый по-своему старался, ну, в основном это были мучные блюда».

Информант Л.Я Волкова, 1947 г.р.; г. Кобрин, белоруска, приехала из г.Речица Гомельской обл.; православная, сообщает о том, что каждый день масленичной недели сопровождался выпеканием блинов, особенно она выделяет четверг – «тёщины блины»: «Масленица с понедельника начиналась, семь дней пекли блинчики разной формы, и в четверг была масленица – тёщины блины. У кого замужем были доченьки, зять приходил к теще на блины. Каждый день был особенный, ели с медом, со сметаной, что у кого было». Не менее важным представляется и приготовление к празднику масла: «Приготовление сыра, масла, ну, приготовление сыра, это брали, брали сметанку, были такие кадушки специально для их, называли масленицами, и в этой кадушке заливали сметану и начинали в этой кадушке ...талкачом взбивать эту сметану, и потом какое-то время получалось масло, масло вкусное, ароматное, я помню это масло в детстве, как у нас дома мама делала масло» (Р.В. Коленчук).

Информанты отмечают и другие атрибуты праздника: игры, приметы. В основном игры детей, которые не отличались разнообразием; как правило, в них проявляются приметы зимы и традиционные детские забавы (катание на санках, лыжах): «всегда гуляния такие были детские, дети тоже и в снежки играли, в какие-то игры, вот было очень весело и хорошо»; «с горак на санках катались и на лыжах, и на санках»; «...строили снежные баррикады, ...такое вот было представление праздничное» (Р.В. Коленчук). Праздник приобретал иной масштаб, разнообразие, когда происходил в парке, охватывал большую целевую аудиторию, и каждый из пришедших к месту действия невольно становился участником большого массового мероприятия. Во многом масленичные гуляния напоминают карнавал, когда все исполняют определенную роль и вовлечены в общее празднество: «Ну это было это было большое представление, люди заранее готовились, ...были приготовлены сцены, где выступали на

Масленицу люди, где поздравляли, было катания на санях, запряженные тройками, вот было, музыка играла, и люди, переодетые в разные костюмы, костюмы Бабы Яги, костюм Снеговика, Деда Мороза» (Р.В. Коленчук). Завершался праздник Масленицы сжиганием чучела, и это становится еще одной важной составляющей недели и запоминающимся финалом: «еще по традиции всегда сжигали на Масленицу чучело, сплетенное с соломой, ...это ж прощание зимы с весной, поэтому делали вот такое представление»; «...прыганье через костер, вот прыгали, кто выше перепрыгнет» (Р.В. Коленчук).

Информант Л.Я. Волкова дополняет рассказ о чучеле следующими фактами: «В первый день масленицы делали чучело, ставили и туда уже цепляли всякие пожелания, а в конце недели жгли чучело, надо было все это сжигать на Масленицу». Устный рассказ о Масленице информанта Авдейчук Раисы Гавриловны (1948 г.р.; д. Щитники Брестского р-на, белоруска, приехала из д. Раковица Брестского р-на, православная) отличается предельной лаконичностью: «Блины жарили на масленицу, но чучело не жгли у нас в деревне, как в городе сейчас, у нас не жгли».

Информанты, перешагнувшие шестидесятилетний рубеж, в основном еще работающие, имеющие высшее образование, знают Масленицу как наследие язычества и, будучи людьми верующими, православными, не придают ей такое значение, как наши предки, потому в нарративах звучит упоминание только об одном из ее атрибутов – блины, при этом воспринимают их приготовление как дань традиции, прежде всего семейной: «Масленица. Так, Масленица – это однозначно вообще вот языческий праздник, хотя он празднуется и в православной церкви, но всегда подчёркивается о том... Ничего с православием, с Христом она не имеет абсолютно. Там вот эти вот солнце, там, сжигание там этих, этих самых – это сплошное язычество, поэтому я этим вообще не интересуюсь... Масленица – это... Есть такое слово «заговение на пост», т.е. в это воскресенье, когда вот масленица, – это последнее воскресенье, когда вкушается вот именно мясная пища, следующая неделя – уже можно только мясную... Ой, эту самую, молочную и яйца есть, и потом уже наступает Великий Пост, т.е. это строгий пост, поэтому Масленица... Ну... Мне кажется, что с православием вообще, ну вообще-вообще никак... Ну опять-таки, у нас в приходе мы традиционно, это самое, печём блины, друг друга угощаем... Всё, и больше ничего».

Пожалуй, самые яркие воспоминания информантов связаны с Пасхой Христовой. При этом независимо от возраста они охотно делятся детскими воспоминаниями, выступающими в качестве «проводников» традиций празднования их предков до настоящего времени в их собственных семьях. Каждый из информантов, независимо от места рождения, проживания, помнит, что происходило в преддверии Пасхи, накануне праздника и во все последующие три дня. Ключевыми, основополагающими во всех устных рассказах являются такие атрибуты праздника, как церковь, богатый и разнообразный стол, угощение, большое число гостей. Л.М. Косюк (1958 г.р., д. Скоки Брестского р-на; белоруска, православная): «В субботу красили яйца, в шелухе ...от лука, шелуху заваривали и красили, и святили. Потом на следующий день уже бились этими яйцами. Как я помню, в моем детстве бегали и водой обливались на второй день Пасхи».

О.В. Кискевич (1943 г.р., г.Брест; белоруска; приехала из Каменецкого р-на д.Щербово, православная): «И уже в этот день, это было воскресенье. Собиралась только своя семья, ...а уже на второй день Пасхи приглашались гости, родственники какие-то или крестные приходили, потому что детям приносили подарки и пироги, и крашеные яйца. Эти яйца крашеные, красили малиной и шелухой лукавай».

У некоторых информантов Пасха Христова связана с определенной яркой личностью, прежде всего со служителем церкви. Так, О.В. Кискевич вспоминает: «Я запомнила на всю жизнь этого священника. Его фамилия была Философ. Вот мы его считали, что он бог, когда были мы дети малые. Он настолько был грамотный, настолько исполнял все эти правила, которые церковные были, что все перед ним преклонялись. Помимо этого... Бесплатно хоронил людей. Этот священник ...приезжал в деревню, а в деревне у нас было 120 дворов. Посреди деревни собирались, и деревня была вымощена камнем. Вот собирались, и он

освещал Пасху. Никогда не было такого вопроса, чтобы священник этот взял деньги или за крещение, или за венчание, или за похороны. Все было бесплатно».

Пасха у многих информантов ассоциируется еще и с природными явлениями: весенние изменения в природе, теплые, солнечные дни. В детских воспоминаниях информантов, перешагнувших шестидесятилетний, семидесятилетний рубежи, зафиксировалось и ощущение радости от подготовки к празднику: уборка дома, крашение яиц, выпекание пирогов и булок, пр.

Вниманием к деталям отличается устный рассказ о Пасхе В.Г. Задояной (1948 г.р., г.Брест; белоруска; приехала из д.Индычи Каменецкого р-на; православная). Рассказ композиционно делится на несколько частей: приготовление к празднику (уборка дома и подворья), подарки: «Ну это был наш любимый праздник, готовились к нему мы ну с удовольствием, даже с удовольствием занимались уборкой и в доме, но особенно на улице. Вот это мне все запомнилось, всегда солнечный день, тёплый, и подметали мы сначала подвирак...». Не менее важен для информанта в детских воспоминаниях и другой ассоциативный ряд: подарки к празднику. Для нее, родившейся в первые послевоенные годы, особенно ценными были эти «обновки» и само их ожидание: «все вот это мне мама рассказывала, ещё мы ждали ...Пасху эту, потому что нам всегда родители дарили обновку какую-нибудь. Это были или туфельки, ну, чаще всего сандали, обязательно к ним шкарпетки (это носочки), и такие носочки с заворотикам были такие, как кружевные, ну, или платица ситцевое».

В рассказах информантов остались и воспоминания об обильном угощении, которое всегда было на Пасху, и гости на второй день, обязательно крёстные, а в первый за общим столом собиралась семья. Детские воспоминания хранят крашение яиц, а потом детские игры-забавы: «...дети выбегали естественно бились яйцами сначала носком потом пушкой мы так вот называли. А уже разбитое яйцо отдавали, приходилось отдавать побеждённому, не знаю почему, на второй день помню, к нам кто-то прибежал, не помню из девочек общем, обливались водой. ...я не знаю, что это за обычай такой был, не могу объяснить, смеялись, веселились. ...ну да очень много, было много радостного, весёлого».

Семейно-бытовые воспоминания чередуются с обращением к церковным ритуалам, походу в церковь накануне Пасхи взрослых и детей к всенощной: «...да куличи мама пекла, очень много пирога ещё добавок, и все это складывалось мы в корзиночку и накрывали полотенцем таким вышитым, и вместе с мамой несли в церковь нашу, она была сразу за деревней, высокая такая голубая, красивая, деревянная». Р.Г. Авдейчук (1948 г.р.; д.Щитники Брестского р-на, белоруска, приехала из д.Раковица Брестского р-на, православная): «В деревнях кто кабана забьет, проставлялись на Пасху хорошо. Стол, накрытый хорошо был на Пасху. Нам, детям, что-то покупят новое – платье там или сандали. В деревнях мы бедно жили, колхоз нам денежки не платил, жито давали нам. Бедно мы жили в колхозах».

Ритуал крашения яиц на Пасху, несомненно, пришел из язычества, это и отголоски древнего мифа о мировом яйце. Устные женские нарративы Брестчины содержат детские воспоминания о данном ритуале. В большинстве из них упоминается крашение яиц луковой шелухой, но встречаются и другие средства. В.Н. Будько: «Яйца по обычному в луковой шелухе красили и в зеленке. Ну, зеленка была такая». Бурдюк Жанна Александровна (1953 г.р., г. Пружаны; белоруска; приехала из д. Городняны Пружанского р-на; пятидесятник): «Яйца красили там все... тогда не было химических красителей. Была луковая шелуха, были красные, потом зелёнкой красили, потом чернилами красили. Разных оттенков были яйца». Н.М. Бекач (1973 г.р., г. Брест, белоруска, православная) вспоминает, что ее соседка расписывала яйцо воском; в ее местности красили луковой шелухой, потом к яйцу прикладывали листики, укладывали в мешочек, завязывали его, и получался узор. Большинство устных женских нарративов содержит воспоминания об играх с крашеным яйцом. В основном они сводились к тому, что «бились яйцами». Уроженка Жабинковского района, ныне жительница г.Бреста, В.Н. Будько (1949 г.р., белоруска, православная) упоминает и другое: «Ну что это там за дети брали в первый день это кушали. Во второй

день катались с горки яйцами. Кто выбьет, тот и забирает». Т.М. Олесиюк (1967 г.р., г. Брест, белоруска, православная): «Но была еще одна у нас такая игра интересная. Ложили кирпич, на кирпич под наклоном ложили досочку и сверху вниз скатывали яичко. И вот человека три, четыре могло играть в эту игру. И каждый катил это яйцо, и надо было выбить яйцо. Если ты выбиваешь это, тукнулись. И это твое яйцо. Вот такие выигрыши были. Можно было одним яйцом э..., насобирать очень много яиц. Некоторые уже умели, наловчились и знали, как выкатывать все. Но было интересно». Ж.А. Бурдюк (1953 г.р., г. Пружаны; белоруска; пятидесятник): «Выбивали эти яйца друг у друга, качали с горки вниз. Это было, это было занимательная такая игра. И я в детстве тоже этим занималась. З горки катилось яйцо и, в чье яйцо оно ударялось, то яйцо ты забирал себе». Про обычай на Пасху говорит Т.М. Олесиюк: «Еще у нас на Пасху был такой один такой обычай был. Не знаю, как везде, у нас это было. Э..., собирались, складывали яйца, но это называли у нас валаченные. Конфеты, яйца и ходили к родственникам. Угощали этими яйцами, как бы обменивались. Одни одним давали, вторые вторым отдавали. Это был обязательный ритуал. Вот эти волоченные нести».

К сожалению, устные женские нарративы не отличаются богатством и разнообразием содержащихся в них примет. Можно привести следующую: «Ну вот, это тоже моя баба мне рассказывала. Если весною увидишь прилетевшего журавля, летящего по небу, значит, у тебя будут здоровые ноги, и весь этот сезон ты проведешь активную жизнь. Но если ты увидишь сидящего журавля на гнезде, значит, тебе не предстоит никакой дороги в этом году, и могут быть проблемы со здоровьем.

– Именно журавль?

– Журавль, именно журавль, да».

Общим в устных рассказах информантов является упоминание про месячный пост, предшествующий Пасхе. Л.Я. Волкова (1947 г.р.; г. Кобрин; белоруска, приехала из г. Речица Гомельской обл.; православная): «Великий пост был ближе к Пасхе, надо было подготавливаться, и длился 7–8 недель, чтобы очистить душу и организм. Нельзя было кушать ни яйцо, ни молочное, ни творожок; в среду был рыбный день, можно было кушать рыбу».

Устный рассказ Н.Н. Гловацкой (1961 г.р., д. Адреново, Кобринский р-н; белоруска; приехала из д.Радостово Дрогичинского р-на, православная) практически представляет собой сценарий праздника; его отличает наличие большого числа участников, которые съезжаются в деревню из разных мест. Праздник выступает объединяющим началом представителей разных поколений, которые прославляют землю-матушку, ее дары, поют песни о будущем урожае. Информант является еще хранителем традиций предков: не просто возрождает белорусскую деревню, но и чтит, приумножает ее историко-культурное наследие: «...хочу вам рассказать о празднике Юрия. Вообще это день Георгия Победоносца, шестого мая, в этот день наши предки после того, как посетили церковь и постояли там молитвенную службу, собирались семьей, родней, улицей, деревней, хутором. Ну как общиной такой, как позволяла ситуация, по родству и по географии, по расположению, и шли на поля. Брали хорогви с церкви. Знаете, что такое хорогви? Это такие иконы, на таких вот высоких деревянных держалках. Вот, брали иконы, пекла хозяйка каравай, пирог и шли, обходили поля. Дело в том, что земля кормит человека. И какие бы не были современные айти технологии и компьютеры, и какие бы не были у нас крутые телефоны, то, что земля нас кормит и одевает, пока что никто не отменял, и я думаю, что не скоро отменит, вот. И люди шли на поле, благодарили землю за то, что она их кормит и просили в этом начинающемся году, потому что шестого мая это как бы начинался сезон, тоже не обидеть их, отблагодарить за их труды хорошим урожаем, который насытит их и их семью. Пели песни молитвенные, Отче Наш, Верую, потом пели гуканне весны, вот пришла весна, Юрия пришел, ключи взял и землю адмыкнуу. Юрий землю адмыкае, вот как бы открывает землю, и она уже начинает работать на новый урожай. Пели гуканне весны, выяснянки разные, потом возвращались уже с поля в селение, накрывался стол, и тогда уже гармошечка подключалась, и на стол наливочка ставилась, и закусочки, и тогда уже пели и частушки, и песни разные, и люди вот так вот

веселились. Вот такой вот был праздник Юрия. Мы тоже фермеры с мужем и когда мы создали усадьбу “Полесские традиции”, мы тоже решили вот этот обряд Юрия, так как мы тоже земледельцы, его возродить. У нас шесть лет подряд был такой праздник, когда приезжали к нам фольклористы – артисты, семья, родственники, вот, и у нас один год даже было до ста человек гостей. Мы шли в поле, тоже пели песни, когда этих сто человек вошли в наш сад, вот, мы, я не сказала, что мы садоводы, у нас десять гектаров сада яблочного. И в это время, шестого мая, этот сад как раз цветет. И вот представьте такую картину, когда зеленая трава, желтый одуванчик на траве, голубое майское небо и пятнадцать тысяч белорозовых цветущих яблонь. Красота, конечно, и птицы поют, и такое прям состояние, вот, необыкновенное. И когда этих сто человек запели в моем саду “Верую”, это, конечно было вот необъяснимое состояние, мне казалось, что я прям летаю над этим садом. Даже мои друзья, которые приезжали с Минска, фольклористы, говорит: “Нина Никитична, я не плакал, слезы сами теклись”, такой, настолько это было чувственно и трогательно, вот, душевно и эмоционально. Пели потом, водили хороводы, так вот брались за руки и пели песни под хороводы, такие специальные песни». Приводит Нина Никитична и песни, которые исполняли на праздник Юрия: «Ой, весна-весна, что ты принесла...»; «Юрья! Ой рано вставай, Юрья! Юрья! Ой умыйся белаю, Юрья!».

Заключение

Резюмируя, отметим, что в устных женских рассказах-воспоминаниях, эксплицирующих обряды и обычаи весеннего цикла народного календаря Брестчины, проявляются семейные традиции, передающиеся из поколения в поколение на уровне рода, семьи, дополняются практиками, позаимствованными от соседей, земляков, односельчан, а также новыми атрибутами, привнесенными современностью. Гендерный аспект проявляет себя в актуализации обрядовых практик, ритуалов, образов, связанных с ролью, миссией женщины как хранительницы домашнего очага, матерью, женой. При исследовании обрядов весеннего цикла важным и актуальным представляется актуализация понятий «вернакулярная религиозность» [Крюкова, 2017: 102-111] и «вернакулярная религия» [Гришаева, 2018: 13-22] через призму регионального культурно-исторического наследия Брестчины.

Литература

Крюкова Н.В. Вернакулярное христианство в современной Армении: сельские молельни и книги-«святые» / Н.В. Крюкова // Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта: Материалы конференции молодых ученых. – Москва, 13–15 декабря 2016 г.). – М.: ИЭА РАН, 2017. – С. 102-111.

Гришаева Е.И. Религиозная идентичность как незавершенный проект. Перспективы применения дискурсивных подходов для социологического изучения идентичности в православных приходах / Е.И. Гришаева // Научный результат. Социология и управление. — 2018. – №1. – Т. 4. – С. 13-22.

Т.В. Сенькевич

E-mail: literas2006@mail.ru

А.С. Пушкин атындағы Брест мемлекеттік университеті

БРЕСТ ЖЕРІ ӘЙЕЛДЕРІНІҢ ӘНГІМЕЛЕУ ДИСКУРСЫНДАҒЫ КӨКТЕМГІ КҮНТІЗБЕЛІК РӘСІМДЕРДІҢ ЭКСПЛИКАЦИЯСЫ

Аңдатпа. Мақалада күнтізбелік циклдар мен қосалқы циклдар контекстіндегі көктемгі рәсімдер қарастырылады. Зерттеудің эмпирикалық базасын 2023, 2024 жылдары филология

факультетінің студенттері жазғы фольклорлық және диалектологиялық практика кезінде жинаған әйелдердің ауызша әңгімелері, сондай-ақ, А.С. Пушкин атындағы Брест мемлекеттік университетінің «Фольклортану және өлкетану» студенттік ғылыми-зерттеу зертханасының мұрағаттық материалдары құрады. Бұл ғылыми-зерттеу жұмысын "Брестчинаның фольклорлық дәстүрі контекстіндегі әйелдердің баяндау дискурсы" (мемлекеттік тіркеу №20211451) ҒЗЖ шеңберінде (2021-2025) уақытша ғылыми жоба аясында жүргізіледі.

Қыс пен көктемнің белгілерін алып жүретін Масленица экспликациясы масленица аптасының күндерінен кейін жүзеге асырылады, олардың әрқайсысында белгілі бір рәсім жасалады. Христос Пасхасында барлық христиандар үшін осы маңызды мерекеге дайындалуға ерекше назар аударылады. Әйел ақпарат берушілердің көктемгі рәсімдерді түсіндіруі ұлттық тағамдарды, ойындарды, ең алдымен отбасылық, ұрпақаралық дискурстарды жаңартатын белгілерді көрсетуге мүмкіндік береді. Әйелдердің ауызша әңгімелері XX ғасырдың соғысқа дейінгі және соғыстан кейінгі кезеңдеріндегі өмір салтын, дәстүрлі және заманауи шындықпен жаңартылған шіркеу рәсімдерін түсінуге көмектеседі. Мақалада ұсынылған мемораттар мен фабулаттар гендерлік аспект объективі арқылы брестчинаның аймақтық мәдени және тарихи мұрасын айтарлықтай байытады.

Тірек сөздер: экспликация, меморат, сюжет, интерпретация, әйелдердің ауызша нарративі, рәсім, күнтізбелік цикл, кіші цикл, гендерлік аспект, дискурс.

Сілтеме жасау үшін: Сенкевич Т.В. Брестчинаның әйелдер әңгімелеу дискурсындағы көктемгі күнтізбелік рәсімдердің экспликациясы // *Philological Sciences Journal*. – 2025. – Vol.9. – №1. – Pp. 25-33. DOI <https://doi.org/10.52081/PhSJ.2025.v09.i1.049>

T.V. Senkevich

E-mail: literas2006@mail.ru

A.S. Pushkin Brest State University

EXPLICATION OF SPRING CALENDAR RITUALS IN THE WOMEN'S NARRATIVE DISCOURSE OF BREST REGION

Abstract. The article discusses spring rituals in the context of calendar cycles and subcycles. The empirical basis of the study was made up of oral women's stories collected during summer folklore and dialectology practices in 2023 and 2024 by students of the Faculty of Philology, as well as archival materials from the student research laboratory "Folklore and Local History" of the A.S. Pushkin Brest State University. This research work is carried out by a temporary research team within the framework of the research "Narrative women's discourse in the context of the folklore tradition of Brest region" (state registration number 20211451) within the framework of the State Scientific Research Institute (2021-2025).

The explication of Shrovetide, which carries the signs of winter and spring, is realized through the days of Shrovetide Week, in each of which a certain rite is performed. Special attention is paid to Easter, the preparation for this important holiday for all Christians. The interpretation of the spring rituals by female informants allows us to show dishes of national cuisine, games, omens, actualizing primarily family and intergenerational discourses. Oral women's narratives help to understand everyday life, rural lifestyle in the pre-war and post-war periods of the twentieth century, traditional and updated by modern realities of church rituals. The memorials and narratives presented in the article, through the prism of the gender aspect, significantly enrich the regional cultural and historical heritage of Brest region.

Keywords: Explication, memorization, plot, interpretation, oral female narrative, ritual, calendar cycle, subcycle, gender aspect, discourse.

For citation: Senkevich T.V. Explication of spring calendar rituals in the women's narrative discourse of brest region // *Philological Sciences Journal*. – 2025. – Vol. 9. – №1. – Pp. 25-33.

DOI <https://doi.org/10.52081/PhSJ.2025.v09.i1.049>

Сведения об авторах:

Сенькевич Татьяна Васильевна, декан филологического факультета учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат филологических наук, доцент, 224016, г. Брест, Республика Беларусь, бульвар Космонавтов, 21.

ORCID 0009-0006-3863-3913

Автор туралы мәлімет:

Сенькевич Татьяна Васильевна, «А.С. Пушкин атындағы Брест мемлекеттік университеті» білім беру мекемесінің филология факультетінің деканы, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, 224016, Брест қ., Беларусь Республикасы, Ғарышкерлер бульвары, 21.

ORCID 0009-0006-3863-3913

Information about the author:

Senkevich Tatiana Vasilyevna, Dean of the Philological Faculty of the Brest State University named after A.S. Pushkin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, 224016, Brest, Republic of Belarus, 21 Kosmonavtov Boulevard.

ORCID 0009-0006-3863-3913

*Мақала редакцияға 1.03.2025 ж. келіп түсті;
15.03.2025 ж. рецензиядан кейін мақұлданды; 20.03.2025 ж. баспаға қабылданды.*

*Статья поступила в редакцию 1.03.2025 г.;
одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 20.03.2025 г.*

*The article was submitted on 1.03.2025;
approved after reviewing on 15.03.2025; accepted for publication on 20.03.2025.*